

Сяо Юнь повернулась к Лю Цингэ, которая, как и она, опиралась на перила балкона. Лю Цингэ тоже посмотрела на нее, в глазах читалось недоумение.

— Ты понимаешь, о чем я.

Голос Сяо Юнь был очень тихим. За последние дни она наблюдала за их взаимодействием. Она провела десятки лет в бизнесе, а перед ней была ее дочь. Как она могла не понять, что происходит.

Лю Цингэ замерла на месте. Окружающие все видели, но она сама не могла понять... Видимо, это и есть «за деревьями леса не видно».

— Да... наверное.

Лю Цингэ не стала отрицать. Перед Сяо Юнь она, казалось, не могла ничего скрыть.

Сяо Юнь тоже не была старомодной. После выхода на пенсию она путешествовала по миру и видела больше, чем другие. Она не стала бы шокироваться или устраивать сцены из-за этого.

— Не волнуйся, я не буду вмешиваться в ваши дела. Но ты знаешь этого мужчину. Если он узнает, тебе и Юйань будет нелегко.

Сяо Юнь говорила тихо. Этот мужчина всегда поступал по-своему, никогда не учитывая чувства окружающих.

— Не только он, но и семья Мин.

Лю Цингэ произнесла это, и ее глаза стали холоднее, чем ветер на балконе.

— Впервые вижу, как ты так кого-то защищаешь.

Сяо Юнь смотрела на Лю Цингэ, словно пыталась найти что-то на ее лице. Когда Лю Цингэ говорила о Хуа Юйань, ее выражение явно смягчалось.

— Я сама не понимаю почему.

Лю Цингэ усмехнулась. Впервые она увидела, как Хуа Юйань помогает кошкам и собакам в волонтерской организации, затем на собеседовании, а потом на работе. Она чувствовала, что не может плохо относиться к этой женщине.

— Многие вещи не нужно понимать до конца. Сколько вещей в жизни можно действительно понять? Просто следуй своему сердцу.

Сяо Юнь выпила бокал красного вина, потянулась и сказала:

— Ладно, я пойду спать.

Сяо Юнь ушла, а Лю Цингэ осталась стоять на балконе. Холодный ветер развеял ее жар. Глядя на бескрайние огни города, она почувствовала себя спокойнее. Повернувшись, она вошла в гостиную, закрыла дверь на балкон и вернулась в свою комнату.

Лю Цингэ тихо легла на кровать, повернувшись лицом к Хуа Юйань. Та, похоже, из-за алкоголя чувствовала себя некомфортно, даже во сне хмуря брови.

Лю Цингэ протянула руку и разгладила морщинки на лбу Хуа Юйань, на губах появилась мягкая улыбка.

— Спокойной ночи, Юйань.

Лю Цингэ заснула, чувствуя тепло и аромат Хуа Юйань.

На следующее утро Лю Цингэ встала рано, приняла душ и села за туалетный столик, чтобы нанести макияж. Хуа Юйань на кровати, похоже, спала беспокойно, постоянно ворочаясь. В конце концов, она не выдержала и села, увидев Лю Цингэ, и лишь тогда немного прояснила голову.

Хуа Юйань чувствовала головную боль. Она всегда плохо переносила алкоголь, а вчера еще и решила пить, как другие. Она даже не помнила, как оказалась в этой кровати.

— Доброе утро.

Первой заговорила Лю Цингэ. Хуа Юйань, все еще в полусне, услышав ее голос, ответила:

— Доброе утро.

Она больше ничего не сказала, пошла в ванную, приняла душ и почистила зубы, после чего немного пришла в себя. Но голова все еще болела.

Когда Хуа Юйань вышла, Лю Цингэ уже нанесла макияж и смотрела на нее с загадочным выражением.

— Что... что такое, Цингэ?

Хуа Юйань увидела загадочную улыбку Лю Цингэ. Ее лицо покраснело, а взгляд, полный игры и агрессии, заставил ее почувствовать себя неловко.

— Ты знаешь, что сделала вчера вечером?

Лю Цингэ тихо спросила. Голова Хуа Юйань словно взорвалась. Что она сделала вчера? Она совсем не могла вспомнить. Неужели она снова опозорилась?

— Я не сделала ничего глупого, правда?

Хуа Юйань осторожно спросила. Однажды она напилась и с Ли Цзяоцзяо вышла на балкон петь песню «Покорение». С тех пор они стали известны в общезнании как «маленькие певицы». Вспоминая это, ей было стыдно.

— Как ты думаешь?

Лю Цингэ невольно прикусила губу. Она чувствовала, что на ее губах все еще остался сладкий вкус Хуа Юйань. Но, судя по всему, та не помнила вчерашнего. И тогда в ней проснулось еще большее желание подшутить.

— Неужели... я снова пела на балконе?

Неужели история повторяется? Это было бы ужасно!

Лю Цингэ сдержала смех. Как ей могло прийти в голову что-то настолько странное? Неужели

она уже делала это раньше?

— Как думаешь?

Лю Цингэ продолжала играть. Она хотела увидеть, как Хуа Юйань будет нервничать и смущаться. Это было слишком забавно.

— Эээ... неужели... я снова сделала что-то глупое.

Хуа Юйань закрыла лицо руками. Почему, даже без Ли Цзяоцзяо, она могла сделать что-то настолько глупое? Неужели глупость заразна?

— Ладно, пора в аэропорт.

Лю Цингэ больше ничего не сказала, взяла сумку и вышла в гостиную. Хуа Юйань, хотя и была расстроена своим поведением, быстро переоделась, нанесла солнцезащитный крем и увлажняющее средство, а затем вышла из комнаты.

Сяо Юнь уже собрала свои вещи и сидела на диване, попивая молоко.

— Юйань, проснулась?

Сяо Юнь сразу же почувствовала себя лучше, увидев Хуа Юйань. У этой девочки был особый дар успокаивать.

— Да, тетя Юнь, вы уже все собрали?

Хуа Юйань посмотрела на Сяо Юнь, которая была уже полностью готова к отъезду.

— Да, позавтракаем, и можно ехать в аэропорт.

Хуа Юйань кивнула, налила себе стакан молока, съела кусок хлеба, и они с Лю Цингэ отправились провожать Сяо Юнь в аэропорт.

Хуа Юйань села на переднее сиденье, а Сяо Юнь на заднем сиденье листала телефон. Хуа Юйань, нервничая, наконец решилась спросить:

— Тетя Юнь, что я делала вчера, когда была пьяна?

Пожалуйста, только не пение на балконе. Только не это!

Сяо Юнь удивилась, взглянула в зеркало заднего вида и увидела, как Лю Цингэ подмигнула ей. Она сразу поняла.

— Как думаешь?

Сяо Юнь спросила с улыбкой. Хуа Юйань, увидев это, почувствовала отчаяние. Неужели она действительно пела на балконе?

Ох...

Лю Цингэ, глядя на расстроенное лицо Хуа Юйань, сдержала смех. Она взглянула в зеркало заднего вида и подмигнула Сяо Юнь, давая понять, что та хорошо справилась.

Сяо Юнь покачала головой. Она не ожидала, что ее дочь может быть такой игривой. Видимо, Хуа Юйань действительно была особенной, по крайней мере, в сердце Лю Цингэ.

Вскоре они прибыли в аэропорт, и Сяо Юнь должна была пройти в зал ожидания. Хуа Юйань, открыв рот, наконец спросила:

— Тетя Юнь, когда вы вернетесь?

Хуа Юйань очень нравилась Сяо Юнь. Она была доброй, элегантной и великодушной, всегда говорила мягко и спокойно. Несмотря на ее сильную ауру, Хуа Юйань искренне любила эту женщину.

— По крайней мере, через месяц.

Сяо Юнь никогда не ограничивала себя временем. Она стремилась к свободе. Увидев, как Хуа Юйань не хочет отпускать ее, она улыбнулась и погладила ее по голове:

— Я буду часто писать и звонить тебе, малышка.

Хуа Юйань кивнула и обняла Сяо Юнь, а Лю Цингэ, наблюдая за этим, вдруг почувствовала, что Хуа Юйань и Сяо Юнь больше похожи на мать и дочь.

Лю Цингэ с горькой усмешкой подумала, что она уже столько раз переживала подобные прощания, что больше не чувствовала ничего.

— Мама, будь осторожна, безопасность прежде всего.

Лю Цингэ скрестила руки на груди, все еще сохраняя дистанцию. Сяо Юнь не обратила на это внимания. Честно говоря, она уже привыкла. Единственное отличие — теперь у нее появилась еще одна забота, Хуа Юйань.

— Я знаю, пока.

Сяо Юнь помахала Лю Цингэ и Хуа Юйань, а затем, взяв свой маленький чемодан, ушла. Хуа Юйань смотрела ей вслед, пока та не исчезла из виду.

— Поехали.

Лю Цингэ собиралась уйти с Хуа Юйань из аэропорта, но в этот момент ей позвонил Мин Ижань.

— Алло?

Голос Лю Цингэ был тихим, но безэмоциональным.

— Цингэ, не хочешь пообедать? Я нашел отличный тайский ресторан.

Голос Мин Ижана звучал возбужденно, словно ребенок, спешащий похвастаться.

Лю Цингэ замешкалась, словно все еще раздумывая. Она посмотрела на Хуа Юйань, опустила глаза, не зная, о чем думать.